

Г.А. Золотков

ПРОБЛЕМА ПРИРОДЫ ФИЛОСОФИИ В «ОРТОДОКСАЛЬНОМ» ВИТГЕНШТЕЙНИАНСТВЕ

Золотков Григорий Алексеевич – аспирант школы философии. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21, стр. 4; e-mail: zolotkov_grigory@mail.ru

В статье дается обзор «ортодоксальных» рецептов философии Людвиг Витгенштейна. Под «ортодоксальными» рецепциями понимаются трактовки идей философа, сделанные либо учениками мыслителя, либо учениками его учеников. Цель обзора – выделить ключевые фигуры «ортодоксальных» рецептов, особенности трактовок ими проблемы природы философии. Именно последняя проблема, на взгляд автора, позволяет выявить специфику этих рецептов и их внутреннее родство. В работе также показывается эволюция «ортодоксального» витгенштейнианства; выявляется причина появления в его рамках радикального скептицизма в отношении природы философии. Речь идёт об укрепившейся в середине 70-х гг. и господствующей в настоящее время тенденции к отрицанию рядом представителей направления наличия у философии собственной предметной области и ограничение деятельности философии методом концептуального анализа и (или) особой языковой терапии. Основанием для подобных трактовок стало сравнение Витгенштейном языка с семейством игр, согласно которому язык не является единым целым, но есть множество фрагментов языковой деятельности. Осмысленность каждого такого фрагмента определяется его уникальными грамматическими правилами. Философские же теории, предлагая универсальные объяснения, выходят за рамки отдельных грамматик, не регулируются набором правил и являются результатом смешения грамматик. Философия, следовательно, не может иметь осмысленных целей и проблематики и является только методом анализа языка. Несмотря на подобную аргументацию, среди первого поколения исследователей, т. е. исследователей, имеющих личный опыт знакомства с мыслителем, доминирующим являлся противоположный взгляд.

Ключевые слова: природа философии, Витгенштейн, витгенштейнианство, концептуальный анализ, философская терапия, языковые игры, форма жизни

«Ортодоксальное» витгенштейнианство

Основой «ортодоксального» витгенштейнианства следует считать взгляды учеников и друзей Витгенштейна, лично воспринявших его образ философствования. Этот опыт оказал сильнейшее влияние не только на отдельные идеи многих из них, но и на их понимание философии в целом: отпечаток этого влияния легко прослеживается в их работах, многие из которых по-

священы артикуляции основных принципов философии мыслителя. Исследователи, не испытывавшие подобного влияния, зачастую рассматривают идеи мыслителя сквозь призму различных традиций, из-за чего эти идеи часто приобретают несвойственные им смыслы. Разнообразие трактовок постепенно заслоняет представление о философии Витгенштейна как о фундаменте самостоятельной, вполне конкретной традиции.

Яркими примерами того, что может пониматься под «неортодоксальными» исследованиями Витгенштейна, являются работы С. Крипке «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке»¹ и А. Бадью «Wittgenstein's Antiphilosophy»². Эти работы, безусловно, имеют высокую философскую ценность, но эта ценность обусловлена прежде всего их собственными масштабными философскими проектами.

Разделение на «ортодоксальные» и «неортодоксальные» направления может показаться до некоторой степени условным. Действительно, эти направления не изолированы друг от друга, налицо обмен идеями между ними. Но, во-первых, «ортодоксальные» рецепции ведут споры за философское наследие Витгенштейна только между собой. Во-вторых, изначально они локализовались вокруг философских кафедр. Первыми центрами витгенштейнианства стали: альма-матер философа – Кембридж, колыбель философии обыденного языка – Оксфорд, валлийский университет города Суонси, Хельсинкский университет в Финляндии, Мельбурнский университет в Австралии, Корнеллский университет и колледж Смит в США. Только к середине 70-х витгенштейнианство вышло за рамки этих кафедр.

Таким образом, в наиболее полном смысле «ортодоксальное» витгенштейнианство было представлено только первым поколением. В ходе дальнейшего развития часть этих центров исчезла, а преемственность особого способа философствования была нарушена.

Как было отмечено выше, для «ортодоксальных» направлений проблема природы философии имеет принципиальное значение. Абсолютное большинство этих философов питает к проблеме не сугубо историко-философский интерес, но воспринимает ее как предпосылку собственных размышлений. Структура проблемы была дана в «Логико-философском трактате»³, где достаточно четко обозначены основные элементы ее природы: цель, метод, проблема и положение философии по отношению к другим дисциплинам. Эти же элементы могут быть выделены в «Философских исследованиях»⁴, а также в других поздних работах⁵.

Прежде чем перейти к обзору трактовок этой проблемы, следует ответить на несколько возможных возражений.

Первое возражение: автор смешивает интерпретации и собственные взгляды последователей на проблему природы философии. По мнению автора, это возражение не имеет силы, т. к. собственные взгляды последователей также принадлежат традиции.

Второе возражение: в своих работах Витгенштейн под «философией» понимает и традиционную метафизику, и собственную философскую программу, и философию вообще. Автор, говоря о природе философии, смешивает эти понятия.

¹ Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. М., 2010.

² Badiou A. Wittgenstein's Antiphilosophy. N.Y., 2011.

³ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М., 1994. С. 1–75.

⁴ Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М., 1994. С. 75–321.

⁵ Более подробно о понимании природы философии Витгенштейном см.: Сокулер З.А. Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX в. Долгопрудный, 1994. С. 135–147.

Действительно, Витгенштейн наделяет понятие «философия» разными значениями. Однако это не влияет на его понимание проблемы природы философии. Независимо от значения «философии» в конкретном случае, сохраняется общая направленность проблемы – вскрытие сути дисциплины вообще, а не отдельных её проявлений. Эта же проблема стоит и перед последователями Витгенштейна.

Третье возражение: не являются ли «ортодоксальные» витгенштейнианцы искусственным конструктом? Действительно, можно сказать, что единственным моментом, объединяющим их взгляды, является причастность к опыту философствования Витгенштейна.

Здесь следует отметить, что объединение рассматриваемых рецепций в философскую традицию является исследовательской гипотезой. В данной работе будут показаны основания, позволяющие легитимизировать данное обобщение.

Кембридж

Зарождение витгенштейнианства происходило в Кембридже параллельно синтезу поздних идей Витгенштейна⁶. С 1930 по 1947 г. Витгенштейн занимал там должность профессора и читал закрытые лекции для узкого круга слушателей, где апробировал свои новые философские идеи. Известная нелюбовь философа к публичности сделала его учеников единственными реципиентами его идей: «...он ничего не публиковал, не посещал никаких философских конференций, не читал лекций за пределами Кембриджа, ни с кем не состоял в “философской переписке”, и выступал против распространения записей его лекций»⁷.

После того как Витгенштейн ушел с поста профессора в 1947, Кембридж быстро уступил статус основной площадки витгенштейнианства Оксфорду. Главная фигура кембриджского витгенштейнианства – Дж. Уиздом⁸. Природа философии рассматривается им в ряде статей, большая часть которых вошла в сборник “Philosophy and Psychoanalysis”⁹.

В первую очередь от большинства других витгенштейнианцев Уиздома отличает нарочито неакадемичный стиль. В работах он часто утверждает противоположные вещи, излагает свои мысли в виде диалога или как пронумерованные фрагменты, не утверждает свой тезис напрямую, но иллюстрирует его многочисленными примерами. Подобная экстравагантность не случайна и отражает специфическое понимание цели, методов и проблем философии.

Методология Уиздома выстраивается из идеи Витгенштейна о том, что философия не должна злоупотреблять обобщениями, но должна сосредоточиться на рассмотрении реальных примеров употребления языка.

Традиционно философские теории пытаются наделить свои предметы значением, которое не зависело бы от контекста. Уиздом в своих работах неоднократно критикует это. На его взгляд, теория может иметь смысл только в рамках заданной языковой игры, где либо выполняет функцию проверки истинности суждений, либо характеризует эти суждения как правила для вынесения других суждений. Такое использование теорий, в отличие от фи-

⁶ Общий обзор этих идей см.: Сокулер З.А. Указ. соч. С. 101–121.

⁷ Ryle G. Ludwig Wittgenstein // Analysis. 1951. Vol. 12. No. 1. P. 1.

⁸ Общий обзор его работ см.: Козлова М.С. Джон Уиздом. Концепция философских парадоксов // История философии. 1997. № 1. С. 111–120.

⁹ Wisdom J. Philosophy and Psycho-Analysis. Oxf., 1953.

лософского, может быть подкреплено реальным употреблением языка. Теории и проблемы, предлагаемые философами, игнорируют конвенциональное употребление языка. Они не построены по правилам, позволяющим проверить их истинность или установить их значение. Они в вульгарном смысле метафизичны, представляют собой парадоксы и тавтологии.

Уиздом, однако, утверждает, что философские теории и проблемы имеют эвристический потенциал и не бесполезны как простые бессмыслицы. Метафизика представляет язык так, как он не проявляется в рамках конвенциональных употреблений. На его взгляд, философия помогает четче схватить смысловые границы между разными языковыми играми. Достигается это, с одной стороны, указанием на то, к каким реальным ситуациям философские высказывания могут или могли бы апеллировать, с другой, концептуальным анализом нестандартной грамматики понятий. По Уиздому, позитивный результат этого метода – более глубокое понимание языка.

В общем, Уиздом располагает философию между стремлением дать обобщенную картину мира и возможностью помыслить мир только в рамках конкретных языковых игр. Это делает философские высказывания набором рекомендаций или критериев, ориентируясь на которые носители языка находят словам новые употребления. Попытки реализовать эти рекомендации на практике раскрывают эвристический потенциал философии.

Оксфорд в первом поколении

Вторую жизнь витгенштейнианство получило в Оксфорде. Здесь после войны начинается ренессанс аналитической философии, который продлится до середины 70-х гг. Ученики Витгенштейна вливаются в это масштабное обновление, тон которому задала философия обыденного языка. Витгенштейнианские идеи, безусловно, оказали влияние на развитие философии в Оксфорде, но колоссальное значение имел и обратный процесс. Особенно сильно это отразилось на втором поколении витгенштейнианцев Оксфорда.

Несмотря на практически повсеместный интерес к философии Витгенштейна, здесь не сложилось какой-либо школы или кружка витгенштейнианства. Не появился лидер, сплотивший вокруг себя последователей мыслителя.

Наиболее влиятельным источником идей Витгенштейна в Оксфорде стал Ф. Вайсман. Вайсман был членом Венского кружка, присутствовал при встречах его членов с Витгенштейном. В 30-х гг. он эмигрировал в Великобританию, в Кембридж, где посещал лекции философа. В 1939 г. Вайсман переехал в Оксфорд, где занял пост преподавателя. Основная область интересов Вайсмана связана с философией математики и философией науки, но есть у него и две важные работы по проблеме природы философии.

Книга “The Principles of Linguistic Philosophy”¹⁰ представляет собой своеобразное пособие по витгенштейнианской методологии. Изначально работа задумывалась как совместный проект Витгенштейна и Вайсмана, где последний выступал в роли редактора. По окончании работы, однако, Витгенштейн отказался от авторства, и книга была издана только после смерти Вайсмана.

Основным содержанием работы является акцент на правильном методе философии. По Вайсману, таким методом является анализ грамматики высказываний, под которой он понимает процесс подготовки имеющейся системы знаков к выражению с ее помощью мысли. Важно подчеркнуть, что Витген-

¹⁰ *Waismann F. The Principles of Linguistic Philosophy. L., 1965.*

штейн и его последователи говорят не о «школьной» грамматике, регулирующей синтаксис и семантику высказываний, но о «философской» грамматике, описывающей правила осмысленного использования языка. Именно анализ последней, по Вайсману, принципиально отличает витгенштейнианскую философию от традиционной. Он считает, что именно недооценка значения грамматики, долгое время сопровождавшая дисциплину, приводила к характерным «философским» ошибкам использования языка. Наиболее типичными ошибками стали: неререфлексивное убеждение, что каждому существительному соответствует сущность; исследование понятий самих по себе или в несвойственных им контекстах; анализ мышления с помощью категориального аппарата, взятого из учебников, а не из реального употребления. На взгляд Вайсмана, обращение философии к собственному языку, к тому, каким образом с помощью отдельных философских высказываний пытаются сказать что-то, показывает, что их источником является нарушение грамматики. Традиционно философия стремилась к объяснению реальности и доказательству различных тезисов, что мешало правильно понять цель философии. Вайсман полагает, что философам следует умерить свои амбиции и осознать, что нельзя сказать больше, чем позволяет язык. Философия должна показывать бессмысленность философских проблем и теорий.

В работе “How I See Philosophy”¹¹ Вайсман смягчает представление об исключительно негативной направленности философии. Он показывает, что у философии есть также и позитивная цель. Она связана с историчностью человеческого мышления. Очевидно, что правила языка постепенно обновляются. Вайсман утверждает, что цель философии заключается в открытии новых «видений», позволяющих мышлению «сдирать с себя омертвевшую корку традиции и конвенций». Метафизика играет в этом процессе ключевую роль. Она не добавляет нового знания, но показывает вещи по-новому. Вопрос «Как возможна геометрия?» не имеет смысла, нарушает правила употребления языка; но именно такие вопросы позволяют заглянуть за имеющиеся языковые конвенции и наполнить язык новыми смыслами.

Следующий представитель витгенштейнианства в Оксфорде – Г.Э.М. Энском. Она начала посещать лекции Витгенштейна только в начале 40-х, но скоро стала одним из любимых студентов и близким другом мыслителя. Также он указал ее в качестве одного из трех распорядителей его философского наследия. Проблема природы философии в работах Энском представлена достаточно скромно¹², тем не менее в них делается ряд важных замечаний о философской проблематике.

Энском показывает, что у дисциплины, как ее видел Витгенштейн, есть специфические проблемы, например проблемы, связанные с сознанием. Этому взгляду противостоит распространенное представление о Витгенштейне как о логическом бихевиористе, снимающем проблемы сознания путем редукции значений актов ментальной деятельности к их внешним проявлениям. Энском опровергает это представление и показывает, с чем для Витгенштейна связана философская проблематика.

В «Философских исследованиях» (ФИ, § 281–284) Витгенштейн показывает, что о содержании ментальных актов можно судить только в случае их проявления в поведении. Энском поясняет эту идею следующей ситуацией (ФИ, § 35): указывая на форму предмета, одновременно некто указы-

¹¹ *Waismann F.* How I See Philosophy. L., 1968.

¹² *Anscombe G.E.M.* Analytical Philosophy and the Spirituality of Man // *Anscombe G.E.M.* Human Life, Action and Ethics. Charlottesville, 2005. P. 1–15; *Idem.* Wittgenstein: Whose Philosopher? // Royal Institute of Philosophy Supplement. 1990. No. 28. P. 1–10.

вает и на его цвет. Понять, что подразумевается форма или цвет, помогают дальнейшие действия человека. Тем не менее, считает Энском, сам по себе вытянутый палец становится актом указания только благодаря наличию смыслового контекста, дополняющего поведение. С этим контекстом связывается широкое смысловое разнообразие языка. Эвристическая ограниченность бихевиористского подхода проявляется, например, при рассмотрении понятия «читать».

На примере анализа феномена чтения (ФИ, § 156-171) Витгенштейн показывает, что смысл феноменов сознания может сильно варьироваться. Читателем может быть новичок, опытный читатель, читатель, знающий алфавит, но не понимающий языка, и т. д. В каждом отдельном случае Витгенштейн показывает смысловое своеобразие чтения, используя поведение читателя как опору для своей трактовки. Наоборот, анализ логического бихевиориста был бы направлен не на смысл конкретного способа чтения, но на «технику» читателя. Если для бихевиориста вариативность поведения скорее является помехой исчерпывающему анализу поведения, то, согласно Энском, для анализа Витгенштейна эта вариативность является основным предметом. Подобные размышления позволяют заключить, что для Энском именно многообразие смыслов понятий, связанных с ментальной деятельностью, задает специфически философскую проблематику.

Оксфорд во втором поколении

Ко второму поколению витгенштейнианцев относятся исследователи, познакомившиеся с идеями мыслителя по его работам и через его учеников. Название «второе поколение» устоялось в отношении исследователей разного возраста и стажа и не имеет четких временных рамок. Строго говоря, все витгенштейнианцы, не знавшие Витгенштейна лично, принадлежат ко второму поколению.

Характерные примеры работ витгенштейнианцев Оксфорда этого поколения: Э. Кенни (1973), Б. Макгинес (1990), Р. Монк (1991), Х.Й. Глок (1996) и Х. Слуга (2011). В отличие от предшественников, основной акцент ими делается на историко-философскую достоверность интерпретации, а попытки продолжить развитие витгенштейнианской философии без тщательной экзегезы текстов были отвергнуты.

Наиболее авторитетными представителями данного поколения в Оксфорде стали П.М.С. Хакер и Г. Бейкер. В середине 70-х они начали совместную работу, результатом которой стали четыре объемных тома комментариев к «Философским исследованиям», несколько монографий и множество статей. В своем анализе природы философии они не говорят о Витгенштейне в целом, но всегда различают Витгенштейна раннего и позднего. Здесь будет рассмотрена трактовка ими только поздней философии мыслителя. Именно с нею связан наибольший резонанс, и она стала причиной размолвки между авторами.

Трактовка Бейкера и Хакера сложилась во время их комментирования «Философских исследований». Однако в конце 80-х годов Бэйкер отошел от этой нее, переосмыслив роль концептуального анализа. В развернутом виде совместная трактовка авторов представлена в переиздании работы Хакера «Insight and Illusion». В главах VI и VII, посвященных анализу поздней концепции философии Витгенштейна, Хакер противопоставляет ее ранним

взглядам мыслителя, выявляя смену приоритетов: создание идеальной нотации сменилось стремлением к описанию обыденных употреблений. Эта перемена объясняется им переосмыслением роли обыденного языка и появлением представления о языке как о сети концептов. В этих рамках Хакер выделяет у философии две цели: преобладающую негативную и более скромную позитивную.

Негативная цель заключается в терапии философских иллюзий. Сложность устройства языка периодически приводит к ошибкам в использовании понятий и появлению философских высказываний, только кажущихся осмысленными. Прояснение правил использования понятий, входящих в эти высказывания, помогает вскрыть их иллюзорность.

Позитивной целью философии является концептуальная топография языка. На первый взгляд такая цель может показаться излишне прозаичной. По мнению Хакера, это не так. Во-первых, в языке существует множество неартикулированных связей между понятиями. Во-вторых, язык лишь потенциально является понятным, актуально же человек понимает лишь небольшую его часть. В результате концептуального анализа философ достигает более высокого уровня владения понятиями. Его предельная цель – обзреть как можно большую область концептуальных связей.

Против этого понимания философии выступил Бейкер. В наиболее полном виде его взгляды были представлены в посмертном сборнике эссе “Wittgenstein’s Method”¹³. Центральные темы сборника – критика значения концептуального анализа в поздней философии Витгенштейна и аргументация в пользу «терапевтического» метода. Путем тщательного текстологического анализа Бейкер показывает, что цель построения карты концептуальных связей не находит подтверждения в работах Витгенштейна. По его мнению, для мыслителя важна философская терапия. Целью философии, согласно Бейкеру, является не просто устранение языковых ошибок, но благоденствие человека, избавление его от внутренних конфликтов, вызванных философскими проблемами. Эти проблемы имеют не языковой характер, а укоренены в бессознательных стремлениях человека, напоминают неврозы и требуют специального лечения. Несмотря на свою критику концептуального анализа как цели философии, Бейкер отмечает его значимость как метода. Терапия осуществляется именно анализом понятий, имеющим, однако, ряд отличий от его понимания Хакером. Во-первых, Витгенштейн не излагает метод в виде теории, но показывает его принцип на примерах. Во-вторых, этот метод работает, только если проблема серьезно беспокоит человека. В-третьих, правила обыденного языка не являются жестко определенными, но допускают и даже требуют новых интерпретаций, иными словами, философия открывает новые языковые горизонты.

Суонси

Важную роль в развитии витгенштейнианства сыграл университет валлийского города Суонси. В 50-х вокруг философской кафедры университета образовалась школа витгенштейнианства, известная как «школа Суонси» или «витгенштейнианцы университета Суонси». В отличие от большинства остальных центров витгенштейнианства, здесь в изучении и разработке идей мыслителя значительную роль сыграли заседания философского общества,

¹³ Baker G.P. Wittgenstein’s Methods: Neglected Aspects. Oxf., 2004.

по своей форме и содержанию близкие лекциям Витгенштейна в Кембридже. Отличительными чертами школы стали внимание к понятию форм жизни, критика метафоры языковых игр и убеждение в том, что философия имеет созерцательный характер.

Основателем школы стал Р. Рис – ученик, друг, издатель и один из трех распорядителей философского наследия Витгенштейна. Фундамент его трактовки природы философии был задан в его наиболее известной работе, статье “Wittgenstein’s Builders”¹⁴, которая может быть названа программной для школы.

В этой работе Рис показывает, какие проблемы могут быть названы философскими. Параллельно он проводит интерпретацию аналогии языка и семейства языковых игр, предложенную Витгенштейном. Рис обращает внимание на то, что в этой аналогии мыслитель рассматривает язык как целое: языковые игры не только делят язык на секторы, но и представляют его как некое единство. На взгляд Риса, изображение языка как множества разных практик не исчерпало интереса Витгенштейна к языку. Действительно, объяснить, что такое игра, можно, указав на конкретные примеры, но что такое язык, речь и понимание, аналогичным образом объяснить нельзя. Эта невозможность приводит к особому рода скептицизму, сомнению в возможности понимания. Например, имеет ли место понимание между строителями Витгенштейна (ФИ, § 2)? Рис показывает, что правильным определением их языковой деятельности был бы «обмен сигналами». Действительно, сложно сказать, что строители говорят или понимают команды друг друга – они только реагируют. Дело не в том, что четырех команд слишком мало для образования языка, но в том, что сложно представить, что в рамках этих команд может идти речь о понимании. Нам сложно сказать, что строители «говорят», т. к. разговор, понимание немислимы в таком узком контексте. Однако на чем основывается убеждение в наличии смысла в языковых играх вообще? По Рису, Витгенштейн не утверждает, что для прояснения языка, как и для прояснения игры, достаточно ее словаря и правил. Помимо этого требуется понять образ жизни и культуру людей, говорящих на этом языке.

Эта интерпретация позволяет Рису отвергнуть понимание природы философских проблем как результата неправильного употребления понятий. На его взгляд, природа философских проблем связана с возможностью понимания в языковых играх. Специфическая область философии находится не на уровне языковых игр, а на уровне их внутренней взаимосвязи, позволяющей мыслить разные игры как нечто однотипное. Фундаментальными проблемами философии Рис считает следующие: «Что значит сказать нечто?», «Что есть язык как целое?». На его взгляд, ни прояснение грамматики отдельных языковых игр, ни терапия философских проблем, ни обогащение языка новыми смыслами не отражают сути дисциплины. У философии есть собственные проблемы, и ее целью является их разработка.

Наиболее известным представителем школы является П. Уинч. В книге «Идея социальной науки и ее отношение к философии»¹⁵ он, как и Рис, развивает представление о наличии у философии специфической проблемной области. Эта идея легла в основу центрального тезиса работы о единстве природ философии и социологии. Уинч критикует представление о том, что философия не является самостоятельной дисциплиной и возможна только как критика содержательных областей знания. Согласно данному представле-

¹⁴ Rhees R. Wittgenstein’s Builders // Proceedings of the Aristotelian Society. 1959–1960. Vol. 60. P. 171–186.

¹⁵ Уинч П. Идея социальной науки и ее отношение к философии. М., 1996.

нию, философия, взятая сама по себе, является результатом ложного обобщения. В качестве контраргумента Уинч приводит две собственно философские проблемы. Во-первых, чтобы отдельные языковые игры работали, в каждой из них должно быть некоторое основание, достигая которого объяснения приходят к концу. Во-вторых, возможность судить о неполноте понимания предполагает некий критерий полноты, несводимый к правилам достижения понимания. Эти проблемы, по Уинчу, требуют допустить существование «особой формы понимания». Этой формой, так же как и Рис, он считает форму жизни, определенный социокультурный контекст. На взгляд Уинча, именно этот контекст задает различным языковым играм области значений. С другой стороны, сами эти формы жизни не являются чем-то неконцептуализируемым. Наличие в них интеллигибельности, составляющей специальный интерес философа, может быть проанализировано через используемые в них концепты. Таким образом, философия имеет дело с множеством различных критериев понимания того, что значит иметь смысл. Задачей философии является описание требований, которым должны отвечать эти критерии.

Наиболее известным представителем второго поколения школы является Д.З. Филипс. В работе “Philosophy’s Cool Place”¹⁶ он ввел понятие созерцательной концепции философии. Суть этой концепции состоит в соединении проблемного характера философии с невозможностью ее теоретического исследования. Действительно, если у философии есть собственные проблемы, а ее цель состоит в их разработке, то философ обязан создавать теории. По мнению Филипса, однако, такие проблемы, как «Возможно ли понимание?», не решаются теоретически. Ни указание на используемые концепты, ни на их грамматику, ни на действия, совершаемые при коммуникации, не могут служить объяснением понимания. Насколько можно судить, предельной целью философии, по Филипсу, является максимально отчетливое представление взаимосвязи отдельных языковых игр в контексте конкретного социокультурного пространства.

США

Центрами первого поколения витгенштейнианства в США стали Корнеллский университет и колледж Смит. Тем не менее нужно помнить, что для витгенштейнианства в США характерна большая мобильность и отсутствие долгосрочных центров.

Главным представителем первого поколения витгенштейнианцев стал Н. Малькольм. В статье “Philosophy for philosophers”¹⁷ он рассматривает философию как исследование понятий. Он утверждает, что философы часто обращаются к словам «знание», «верование» и т. д. Причиной философских проблем является смешение смыслов, ошибка в употреблении понятий. Целью философии является не решение этих проблем, но обнаружение ошибки в использовании понятий.

Сходный взгляд принадлежит М. Блэку. В статье “Linguistic Method in Philosophy”¹⁸ Блэк также трактует философские проблемы как результат языковых ошибок, главная опасность которых – скептицизм, мешающий нор-

¹⁶ Phillips D.Z. *Philosophy’s Cool Place*. Ithaca; L., 1999.

¹⁷ Malcolm N. *Philosophy for Philosophers* // *The Philosophical Review*. 1951. Vol. 60. No. 3. P. 329–340.

¹⁸ Black M. *Linguistic Method in Philosophy* // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1948. Vol. 8. No. 4. P. 635–650.

мальной работе мышления. Причиной такого недоверия к языку он считает либо отсутствие значения у понятия, либо его неправильное употребление. Но, на его взгляд, скептику, чтобы сделать ясным смысл своих слов себе и другим, следует попытаться указать на эмпирические значения используемых им понятий.

С начала 90-х гг. большой резонанс получила рецепция идей Витгенштейна вторым поколением американских исследователей, изложенная в сборнике эссе "The New Wittgenstein"¹⁹. В сборнике развивается радикальное представление об исключительно терапевтическом характере философии Витгенштейна. От более ранних сравнений с психоанализом данные работы отличает экзегетический характер и радикальное представление о полной бессмысленности философии. В их трактовке «идеи» Витгенштейна не являются чем-то большим, нежели упражнениями в терапии метафизических заблуждений.

Основной фигурой группы стала К. Даймонд. Во многом, однако, ее идеи опираются на трактовку С. Кавела. В своей книге "The Claim of Reason: Wittgenstein, Skepticism, Morality, and Tragedy"²⁰ он выдвигает интерпретацию, согласно которой для Витгенштейна существование философии есть интеллектуальная иллюзия, вызванная тягой к обобщениям. Философия предлагает особый взгляд на вещи, кажущийся более фундаментальным, чем обыденный язык. Тем не менее, согласно его интерпретации, этот взгляд не имеет под собой основы, и обыденного языка достаточно, чтобы исчерпать все «философские» интересы человека. У философии нет цели, у нее нет собственных проблем, а ее метод сводится к терапии «философского взгляда на вещи».

Заключение

Проблема природы философии, безусловно, играет ключевую роль для «ортодоксального» витгенштейнианства. Рассмотренные трактовки не являются просто интерпретациями, но составляют часть собственных убеждений авторов. Конституирующими традицию являются следующие моменты: представление о языке как о семействе языковых игр, особый интерес к философской методологии, в частности критика философии как деятельности по созданию теорий.

Основной чертой, позволяющей разделить трактовки, является вопрос о наличии у философии собственной проблемной области. Одна часть исследователей ограничивает возможности философии рамками обыденного языка, что фактически нивелирует ее специфику. Другая пытается показать, что эти задачи не исчерпывают философию, что озадаченность Витгенштейна языком является примером сущностного философского интереса. Причина данного отличия, по-видимому, лежит в разных способах восприятия идей мыслителя. Исследователи, отрицающие содержательность философии, как правило, знакомилась с его идеями по книгам, и в их исследованиях преобладает анализ текстов. Исследователи, воспринявшие его идеи либо лично, либо от учителя, владевшего «методом Витгенштейна», как правило, склонны рассматривать философию как самостоятельную дисциплину.

¹⁹ The New Wittgenstein. L., 2000.

²⁰ Cavell S. The Claim of Reason: Wittgenstein, Skepticism, Morality, and Tragedy. N. Y., 1979.

Список литературы

- Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. I / Пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. 612 с.
- Козлова М.С.* Джон Уиздом. Концепция философских парадоксов // История философии. 1997. № 1. С. 111–120.
- Критке С.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / Пер. с англ. В.А. Ладова, В.А. Суровцева. М.: Канон+, 2010. 256 с.
- Сокулер З.А.* Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX в. Долгопродный: Фллегро-Пресс, 1994. 173 с.
- Уинч П.* Идея социальной науки и ее отношение к философии / Пер. с англ. М. Горбачева, Т. Дмитриева. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. 128 с.
- Anscombe G.E.M.* Analytical Philosophy and the Spirituality of Man // *Anscombe G.E.M.* Human Life, Action and Ethics / Ed. by M. Geach, L. Gormally. Charlottesville: Imprint Academic, 2005. P. 1–15.
- Anscombe G.E.M.* Wittgenstein: Whose Philosopher? // Royal Institute of Philosophy Supplement. 1990. Vol. 28. P. 1–10.
- Badiou A.* Wittgenstein's Antiphilosophy // Trans. by B. Bosteels. N. Y.: Verso, 2011. 186 p.
- Baker G.P.* Wittgenstein's Methods: Neglected Aspects / Ed. by K.J. Morris. Oxf.: Blackwell, 2004. 312 p.
- Black M.* Linguistic Method in Philosophy // Philosophy and Phenomenological Research. 1948. Vol. 8. No. 4. P. 635–650.
- Cavell S.* The Claim of Reason: Wittgenstein, Skepticism, Morality, and Tragedy. N. Y.: Oxford University Press, 1979. 511 p.
- Glock A.* Wittgenstein Dictionary. Oxf.: Wiley-Blackwell, 1996. 416 p.
- Hacker P.M.S.* Insight and Illusion: themes in the philosophy of Wittgenstein. Oxf.: Clarendon Press, 1986. 341 p.
- Kenny A.* Wittgenstein. Harmondsworth: The Penguin Press, 1973. 191 p.
- Malcolm N.* Philosophy for Philosophers // The Philosophical Review. 1951. Vol. 60. No. 3. P. 329–340.
- McGuinness B., Fronga G.* Wittgenstein: A Bibliographical Guide. Oxf.: Blackwell, 1990. 438 p.
- Monk R.* Ludwig Wittgenstein: The Duty of Genius. N. Y.: The Free Press, 1991. 654 p.
- Phillips D.Z.* Philosophy's Cool Place. Ithaca; L.: Cornell University Press, 1999. 170 p.
- Rhees R.* Wittgenstein's Builders // Proceedings of the Aristotelian Society. 1959–1960. Vol. 60. P. 171–186.
- Ryle G.* Ludwig Wittgenstein // Analysis. 1951. Vol. 12. No. 1. P. 1–9.
- Sluga H.* Wittgenstein. Oxf.: Wiley-Blackwell, 2011. 168 p.
- The New Wittgenstein / Ed. by A. Crary, R. Read. L.: Routledge, 2000. 403 p.
- Waismann F.* How I See Philosophy / Ed. by R. Harre. L.: Macmillan, 1968. 260 p.
- Waismann F.* The Principles of Linguistic Philosophy / Ed. by R. Harre. L.: Macmillan, 1965. 422 p.
- Wisdom J.* Philosophy and Psycho-Analysis. Oxf.: Basil Blackwell, 1953. 282 p.

The nature of philosophy in 'orthodox' Wittgensteinianism

Grigory Zolotkov

National Research University Higher School of Economics. 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation; e-mail: zolotkov_grigory@mail.ru

This paper aims to present an overview of the 'orthodox' Wittgensteinian tradition. The term **'orthodox' is here understood as denoting the variety of interpretations of Wittgenstein's philosophy** made either by his pupils or by the pupils of his pupils. The author singles out the most notable proponents of this tradition and proceeds to discuss their main

ideas in relation to the problem of the nature of philosophy, assuming that such context will help reveal the fundamental characteristics of the entire tradition most clearly. He also traces down the evolution toward a radical scepticism which occurred in orthodox Wittgensteinianism from mid-70s and has come to dominate its teaching even to this day, the resulting idea being that philosophy has no genuine object or problems of its own and could be reduced to the role of a method of conceptual analysis or that of linguistic therapy. Such reduction rests on Wittgenstein's analogy between language and a family of games, where language is no longer a unified whole, but rather an aggregate of fragments of linguistic activity, the meaning of each fragment being determined by its proper grammar rules. Philosophical theories which offer universalist explanations do not fall under specialized grammars, are not governed by rule-sets and represent an outcome of the confusion of grammars. Philosophy, therefore, can have no meaningful goals and is only a method of language analysis. Even though this view is supported by plausible arguments, it was notably rejected by the first generation of Wittgensteinians.

Keywords: nature of philosophy, Wittgenstein, Wittgensteinianism, conceptual analysis, philosophical therapy, language games, life form

References

Anscombe, G.E.M. "Analytical Philosophy and the Spirituality of Man", in: G.E.M. Anscombe, *Human Life, Action and Ethics*, ed. by M. Geach and L. Gormally. Charlottesville: Imprint Academic, 2005, pp. 1–15.

Anscombe, G.E.M. "Wittgenstein: Whose Philosopher?", *Royal Institute of Philosophy Supplement*, 1990, Vol. 28, pp. 1–10.

Badiou, A. *Wittgenstein's Antiphilosophy*, trans. by B. Bosteels. New York: Verso, 2011. 186 pp.

Baker, G.P. *Wittgenstein's Methods: Neglected Aspects*, ed. by K.J. Morris. Oxford: Blackwell, 2004. 312 pp.

Black, M. "Linguistic Method in Philosophy", *Philosophy and Phenomenological Research*, 1948, Vol. 8, No. 4, pp. 635–650.

Cavell, S. *The Claim of Reason: Wittgenstein, Skepticism, Morality, and Tragedy*. New York: Oxford University Press, 1979. 511 pp.

Crary, A. & Read, R. (ed.) *The New Wittgenstein*. London: Routledge, 2000. 403 pp.

Glock, A. *Wittgenstein Dictionary*. Oxford: Wiley-Blackwell, 1996. 416 pp.

Hacker, P.M.S. *Insight and Illusion: themes in the philosophy of Wittgenstein*. Oxford: Clarendon Press, 1986. 341 pp.

Kenny, A. *Wittgenstein*. Harmondsworth: The Penguin Press, 1973. 191 pp.

Kozlova, M. "Dzhon Uizdom. Kontseptsiya filosofskikh paradoksov" [John Wisdom: the conception of philosophical paradoxes], *Istoriya filosofii*, 1997, No. 1, pp. 111–120. (In Russian)

Kripke, S. *Wittgenstein o pravilah i individual'nom yazike* [Wittgenstein on rules and private language], trans. by V. Ladoc and V. Surovcev. Moscow: Kanon+ Publ., 2010. 256 pp. (In Russian).

Malcolm, N. "Philosophy for Philosophers", *The Philosophical Review*, 1951, Vol. 60, No. 3, pp. 329–340.

McGuinness, B. & Fronga, G. *Wittgenstein: A Bibliographical Guide*. Oxford: Blackwell, 1990. 438 pp.

Monk, R. *Ludwig Wittgenstein: The Duty of Genius*. New York: The Free Press, 1991. 654 pp.

Phillips, D.Z. *Philosophy's Cool Place*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1999. 170 pp.

Rhees, R. "Wittgenstein's Builders", *Proceedings of the Aristotelian Society*, 1959–1960, Vol. 60, pp. 171–186.

Ryle, G. "Ludwig Wittgenstein", *Analysis*, 1951, Vol. 12, No. 1, pp. 1–9.

Sluga, H. *Wittgenstein*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. 168 pp.

Sokuler, Z.A. *Lyudvig Vitgenshtein i ego mesto v filosofii XX veka* [Ludwig Wittgenstein and his place in the philosophy of XX century]. Dolgoprudny: Fllegro-Press, 1994. 173 pp. (In Russian)

Waismann, F. *How I See Philosophy*, ed. by R. Harre. London: Macmillan, 1968. 260 pp.

Waismann, F. *The Principles of Linguistic Philosophy*, ed. by R. Harre. London: Macmillan, 1965. 422 pp.

Winch, P. *Ideya social'noi nauki I eiyo otnoshenie k filosofii* [The Idea of a Social Science and Its Relation to Philosophy], trans. by M. Gorbacheva and T. Dmitrieva. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshество Publ., 1996. 128 pp. (In Russian)

Wisdom, J. *Philosophy and Psycho-Analysis*. Oxford: Basil Blackwell, 1953. 282 pp.

Wittgenstein, L. *Filosofskie raboty* [Philosophical Works], Pt. I, trans. by M. Kozlova and Yu. Aseev. Moscow: Gnozis Publ., 1994. 612 pp. (In Russian)